

Размышляя над происхождением тревоги, Фрейд прежде всего выдвигал предположение о том, что тревога возникает вследствие непосредственной трансформации либидо. В работе « Inhibitions , Symptoms and Anxiety » он критически пересматривает предлагавшиеся ранее теории происхождения тревоги. Фрейд говорит следующее: «Я намерен, со всей беспристрастностью, собрать и объединить все известные нам факты, проливающие свет на происхождение тревоги, и заранее отказываюсь от идеи их безотлагательного синтеза» (Inhibitions , Symptoms and Anxiety , р . 96). В этой работе снова выдвигается мысль о том, что тревога возникает как следствие непосредственной трансформации либидо, но теперь, кажется, Фрейд приписывает значительно меньшую важность именно «экономическому» аспекту происхождения тревоги. Свой взгляд на эту проблему он формулирует так: «Мы, я думаю, сможем прояснить суть дела, если рискнем предположить, что в результате вытеснения ряд процессов возбуждения в Ид вообще не имеет места. Эго преуспевает в их торможении или отклонении от первоначального направления. Если это так, то исчезает проблема «трансформации аффекта» под влиянием вытеснения» (р. 21). Далее он говорит: «Вопрос о связи возникновения тревоги с вытеснением может оказаться не таким простым. Но мы вполне обоснованно можем отстаивать убеждение, заключающееся в том, что Эго является фактическим местом тревоги, и отказаться от нашего прежнего предположения о том, что катектическая энергия вытесненного импульса автоматически оборачивается тревогой» (Р. 23).

Относительно проявления тревоги у маленьких детей Фрейд говорил, что эта тревога обусловлена тем, что ребенок «скучает за кем-то, кого он любит и без кого тоскует» (р. 105). В связи с наиболее фундаментальной тревогой, переживаемой девочками, Фрейд описывает инфантильный страх потери любви, используя понятия, которые в какой-то мере вполне применимы к младенцам обоих полов. Он говорит: «Если мать отсутствует или лишает ребенка своей любви, он перестает быть уверен в удовлетворении своих потребностей и, возможно, испытывает самые неприятные чувства напряжения» («Продолжение лекций по введению в психоанализ»).

В «Продолжении лекций» при рассмотрении теории возникновения тревоги из трансформации неудовлетворенного либидо Фрейд говорит, что «это мнение нашло подтверждение в некоторых весьма обычных фобиях маленьких детей... Детские фобии и ожидания страха при неврозе страха дают нам два примера одного способа возникновения страха путем прямого превращения либидо».

На основании этих схожих отрывков можно сделать следующие выводы, к которым я обязательно вернусь позднее: (а) у маленьких детей существуют неудовлетворенные

либидинозные ожидания, которые превращаются в тревогу; и (б) наиболее раннее содержание тревоги представляет собой переживаемое ребенком чувство опасности, заключающейся в том, что из-за «отсутствия» матери его потребность может остаться неудовлетворенной.

II

В отношении вины Фрейд придерживается мнения, что ее источники лежат в Эдиповой ситуации, а вина возникает как ее продолжение. Существуют однако места в работах Фрейда, где он определенно связывает конфликт и вину со значительно более ранними стадиями человеческой жизни. Он писал: «чувство вины... есть выражение амбивалентного конфликта, вечной борьбы между Эросом и инстинктом разрушительности или смерти».

Далее, обсуждая точку зрения некоторых авторов, утверждающих, что фрустрация усиливает чувство вины, Фрейд говорит: «Иначе как объяснить динамически или экономически рост чувства вины, приходящий на место неудовлетворенного эротического влечения? Это возможно лишь окольным путем, когда препятствие эротическому удовлетворению возбуждает частичную агрессию против мешающего удовлетворению лица, после чего подавляется и сама агрессивность. Но и в этом случае в чувстве вины преобладает только подавляемая и вытесняемая "Сверх-Я" агрессивность. Я убежден, что многие процессы можно представить проще и яснее, если ограничить психоаналитическое учение о производном характере чувства вины агрессивными влечениями» .

Из этого отрывка становится понятно, что Фрейд недвусмысленно заявляет о происхождении вины из агрессии, и что это, в совокупности с вышеприведенной цитатой (в которой затрагивается проблема «извечного конфликта амбивалентности») является свидетельством в пользу того, что вина возникает на очень ранних этапах развития человеческой психики. Принимая однако взгляды Фрейда в целом, в том виде, в котором они представлены в «Продолжении лекций по введению в психоанализ», легко заметить, что он все же придерживался убеждения, что вина появляется вслед за Эдиповым комплексом.

Абрахам, особенно в своих работах, посвященных изучению либидинозной организации психики, пролил свет на остававшиеся до этого в тени аспекты наиболее ранних стадий развития. Его исследования в сфере инфантильной сексуальности были тесно связаны с новым подходом к теории происхождения тревоги и вины. Абрахам предположил, что «на стадии нарциссизма и каннибалистических сексуальных целей первое доказательство торможения влечений обнаруживается в появлении патологической тревоги. Процесс преодоления каннибалистических импульсов очень тесно связан с чувством вины, которое выходит на передний план как типичный феномен, присущий третьей (ранней анально-садистической) стадии».

Абрахам сделал многое для того, чтобы стало возможным правильное понимание происхождения тревоги и вины. Он первым обратил внимание на существование связи между тревогой, виной и каннибалистическими желаниями. Он сравнивал это свое краткое исследование психосексуального развития с «расписанием движения поездов-экспресс, где указываются лишь наиболее крупные станции, через которые проходит состав». Абрахам считал, что «полустанки», лежащие где-то между этими пунктами, не могут быть отражены в подобного рода обобщающем исследовании.

III

Мои собственные работы не только подкрепляют предлагаемую Абрахамом теорию тревоги и вины, доказывая ее концептуальную значимость, но и развивают ее путем сопоставления с огромным количеством новых наблюдений, полученных в ходе анализа маленьких детей.

Анализируя инфантильные ситуации тревоги, я осознала, насколько фундаментальное значение имеют садистические импульсы и фантазии любого происхождения. На самых ранних этапах развития эти импульсы и фантазии сближаются и достигают кульминационного пункта. Я также пришла к пониманию того, что ранние процессы интроекции и проекции приводят к образованию внутри Эго крайне пугающих преследующих объектов бок о бок с предельно «хорошими». Эти фигуры представляются младенцу в свете его собственных агрессивных импульсов и фантазий.

Иначе говоря, ребенок проецирует свою агрессию на внутренние фигуры, образующие часть его раннего Супер-Эго. К происходящей отсюда тревоге примешивается вина, обусловленная переживаниями младенца по поводу собственной враждебности к своему первому, как внешнему, так и переведенному во внутренний план, объекту.

В более поздних работах я проиллюстрировала примерами крайних случаев патологическое влияние тревоги, которая возникает у младенца вследствие его деструктивных импульсов. Я пришла к выводу, что наиболее ранние защиты, используемые Эго как в нормальном, так и в патологическом процессе развития, направлены против тревоги, возникающей в результате переживания младенцем агрессивных импульсов и фантазий.

Через несколько лет, в попытках достигнуть более полного понимания садистических фантазий и их происхождения, я применила выдвинутую Фрейдом гипотезу о борьбе инстинктов жизни и смерти к обширному клиническому материалу, предоставляемому анализом маленьких детей. Мы помним, что Фрейд говорил: «Активность опасного инстинкта смерти внутри индивидуального организма осуществляется различными путями. Частично он представлен в довольно безобидном слиянии с эротическими компонентами. Частично он отклоняется во внешний мир в форме агрессии. Между тем, не подлежит сомнению, что наиболее значительная его часть продолжает внутреннюю работу, не встречая на своем пути помех и препятствий».

Следуя за этой мыслью, я выдвинула предположение, говорящее о том, что тревога пробуждается благодаря опасности, которой подвергает организм инстинкт смерти. Я предположила, что именно в этом заключена первичная причина тревоги. Описанная Фрейдом борьба между инстинктом жизни и инстинктом смерти (борьба, приводящая к отклонению какой-то части инстинкта смерти во внешний мир и смешению двух инстинктов) подталкивает к мысли, что причины тревоги заключены в страхе смерти.

В работах, посвященных проблеме мазохизма, Фрейд сделал принципиально важные выводы относительно связи между мазохизмом и инстинктом смерти. В свете этих представлений он рассматривал различные тревоги, возникающие в результате деятельности инстинкта смерти, как направленные внут??. Среди этих тревог он, однако, не вспоминал страха смерти.

В «Inhibitions , Symptoms and Anxiety» Фрейд обсуждает те причины, по которым он не

упомянул страха смерти (или страха перед жизнью) в качестве первичной тревоги. Его точка зрения базируется на наблюдениях, свидетельствующих, что «...бессознательное, кажется, не содержит ничего, что могло бы являться содержанием идеи уничтожения жизни» (« Inhibitions , Symptoms and Anxiety », p . 93). Фрейд также отмечает, что ничто, что походило бы на смерть, не может быть пережито, кроме, разве что, обморочных состояний. Из этого он делает следующий вывод: «...страх смерти следует рассматривать как аналог страха кастрации».

Я не разделяю этого мнения, поскольку мои аналитические наблюдения показывают, что бессознательный страх перед уничтожением жизни все же существует.

Кроме того, я считаю, что раз уж мы допускаем существование инстинкта смерти, мы должны также допускать, что в глубочайших пластах нашей психики этот инстинкт находит ответ в форме страха перед уничтожением жизни.

Таким образом опасности, возникающие в результате внутренней работы инстинкта смерти являются первопричинами тревоги. А поскольку противостояние инстинктов жизни и смерти не прекращается в течение всей жизни человека, этот источник страха никогда не устраняется и является постоянным фактором во всех ситуациях тревоги.

Моя убежденность в том, что тревога своим происхождением обязана страху уничтожения является результатом опыта, накопленного в течение многолетнего анализа маленьких детей. В работе с детьми часто случается, что наиболее ранние ситуации тревоги, переживавшейся младенцем, вновь воскресают и повторяются. Врожденная мощь инстинктивных влечений, в конечном счете направленных против самости, обнаруживает себя в таких случаях столь очевидно, что в их существовании не остается никаких сомнений. Это остается верным, даже если мы сделаем поправку на ту роль, которую играет фрустрация, внешняя и внутренняя, в модификации деструктивных импульсов. В этой работе я не стану приводить детальных доказательств моих аргументов, а лишь сошлюсь на один из примеров, приведенных в книге «Психоанализ детей» (с. 148). Пятилетний мальчик бывало притворялся, что он владеет множеством диких зверей, таких, как слоны, леопарды, гиены и волки, и что звери помогают ему справляться с врагами. Они символизировали опасные объекты — преследователей, которых он приручил и смог использовать для защиты от врагов. Но, как выяснилось в ходе анализа, они также символизировали его собственный садизм. Каждый из зверей представлял собой специфический источник садизма и используемый в этой связи орган. Слоны символизировали его мускульный садизм, его стремление топтать и поднимать. Раздирающий врагов леопард символизировал его зубы и ногти, а

также их функцию в нападении. Волки символизировали экскременты ребенка и их деструктивные последствия. Временами ребенок начинал испытывать сильный страх при мысли о том, что прирученные им звери могут выйти из послушания и уничтожить его. Этот страх был проявлением испуга перед лицом собственной деструктивности (как и боязни внутренних преследователей).

Как видно на этом примере, анализ тревог, возникающих у маленьких детей преподносит нам хорошие уроки относительно того, как и в каких формах страх смерти существует в бессознательном. Иначе говоря, это проясняет содержание той роли, которую страх смерти играет в различных ситуациях тревоги. Я уже упоминала работу «Экономические проблемы мазохизма», в которой Фрейд в своих рассуждениях отталкивался от новых исследований инстинкта смерти. Рассмотрим первую из перечисляемых Фрейдом ситуаций тревоги: «страх быть уничтоженным тотемным животным (отцом)». На мой взгляд, это — явное выражение страха перед тотальным уничтожением самости. Страх перед тем, что отец способен сожрать и уничтожить, своим происхождением обязан механизму проекции. Младенец проецирует собственные импульсы, переживаемые по отношению к объектам. Таким образом сначала материнская грудь (и сама мать) становятся в представлении младенца пожирающим объектом. Затем, достаточно быстро, этот страх распространяется и на отцовский пенис и на самого отца. В то же время Эго, как ощущается, содержит в себе и пожираемый, и пожирающий объект. Объясняется это тем, что пожирание предполагает, даже на самых ранних этапах, интернализацию пожираемого объекта. Следовательно, Супер-Эго создается вокруг пожирающей груди (матери), к которой добавляется пожирающий пенис (отец). Эти жестокие и опасные внутренние фигуры становятся представителями инстинкта смерти. Параллельно с этим процессом происходит образование другого аспекта раннего Супер-Эго. Переведенная во внутренний план хорошая грудь (к которой добавляется хороший отцовский пенис) ощущается младенцем как кормящий и помогающий внутренний объект. Этот объект начинает символизировать инстинкт жизни. Страх быть уничтоженным включает в себя тревогу о том, что внутренний хороший объект может быть уничтожен. Тревога возникает из-за того, что этот объект ощущается необходимым условием, гарантией сохранения жизни. Угроза самости, исходящая от действующего инстинкта смерти, тесно связана с опасностями, которых можно ожидать от интернализированных пожирающих отца и матери, и равносильна страху смерти.

Согласно этим построениям, страх смерти с самого начала входит в состав страха перед Супер-Эго, а не является, как считал Фрейд, «финальной трансформацией» страха перед Супер-Эго.

Что же касается другого существенного момента, опасной ситуации, упомянутой

Фрейдом в его исследованиях мазохизма, — страха кастрации, то я и в этом отношении занимаю несколько иную позицию. Я считаю, что страх смерти входит в состав страха кастрации, подкрепляет его, но не является «аналогичным» ему. Поскольку половые органы являются не только источником наиболее интенсивного либидинозного удовлетворения, но еще символизируют, представляют Эрос, и поскольку репродукция является принципиальным путем противодействия смерти, потеря половых органов может означать предел творческой силы, которая охраняет и продолжает жизнь.

IV

Если мы попытаемся отчетливо представить себе конкретные формы первичной тревоги, страха уничтожения, нам не следует забывать о беспомощности младенца перед лицом опасностей внешнего мира.

Я считаю, что первичные ситуации опасности возникают из-за активности действующего внутри младенца инстинкта смерти, который ощущается им как сокрушающая атака, как преследование. В этой связи прежде всего следует рассмотреть некоторые из процессов, являющихся результатом отклонения инстинкта смерти вовне, и пути, которыми они оказывают влияние на возникновение тревоги, связанной с внешними и внутренними ситуациями. Мы можем допустить, что борьба инстинкта жизни и инстинкта смерти на момент рождения уже началась, и что она усиливает тревогу преследования, возникающую в результате переживания этого болезненного опыта. Создается ощущение, что этот опыт заставляет враждебно воспринимать окружающий мир, включая первый внешний объект, материнскую грудь. Содействует этому и то обстоятельство, что Эго обращает деструктивные импульсы против первичного объекта. Младенец ощущает, что фрустрация, исходящая от груди, по сути своей представляющая угрозу для жизни, является реакцией на его собственные деструктивные импульсы, направленные на грудь. Младенец начинает считать, что грудь преследует его. К тому же младенец проецирует свои деструктивные импульсы на грудь, иначе говоря, происходит отклонение инстинкта смерти вовне. Таким образом атакуемая материнская грудь становится внешним представителем инстинкта смерти. «Плохая» грудь тоже интроецируется, и это усиливает, как мы могли уже догадаться, внутренние ситуации опасности, т. е. страх перед внутренней активностью инстинкта смерти. Происходит это потому, что в результате интернализации «плохой» груди та часть инстинкта смерти, которая ранее отклонялась во внешний мир вместе со всеми ассоциируемыми с ней опасностями, теперь направляется внутрь, а Эго присоединяет

ее к своему страху перед собственными деструктивными импульсами, направленными против внутренних плохих объектов. Часто случается так, что эти процессы происходят одновременно, поэтому мое описание нельзя рассматривать как построенное в хронологическом порядке. Подведем некоторые итоги: фрустрирующая (плохая) внешняя грудь благодаря работе механизма проекции становится олицетворением инстинкта смерти во внешнем мире. Посредством интроекции она подкрепляет основные внутренние ситуации тревоги. Это приводит к возрастанию силы стремления части Эго отклонять (проецировать) внутренние опасности (главным образом активность инстинкта смерти) во внешний мир. Следовательно, существует постоянное колебание между страхом перед деятельностью отклонившегося во внешний мир и оставшегося внутри инстинкта смерти, между страхом перед внешними и внутренними плохими объектами. На этом примере мы можем пронаблюдать взаимодействия между проекцией и интроекцией. Внешние опасности переживаются в свете опасностей внутренних, что приводит к интенсификации первых. С другой стороны, опасности, угрожающие извне, интенсифицируют постоянно присутствующие внутренние ситуации опасности. Это взаимодействие, хотя и в разной мере, продолжает существовать в течение всей жизни. Экстернализация внутренних ситуаций опасности представляет собой один из наиболее ранних методов защиты, используемых Эго в борьбе с тревогой и сохраняет свое фундаментальное значение в ходе дальнейшего развития.

Активность инстинкта смерти, отклонившегося во внешний мир, как и его работа внутри организма, не может рассматриваться отдельно от протекающей параллельно ей активности инстинкта жизни. Бок о бок с отклонением во внешний мир инстинкта смерти происходит перенесение инстинкта жизни на внешний объект посредством либидо. Объектом служит удовлетворяющая (хорошая) грудь, которая становится внешним олицетворением инстинкта жизни. Интроекция этого хорошего объекта увеличивает силу внутреннего инстинкта жизни. Переведенная во внутренний план хорошая грудь, ощущаемая как источник жизни, образует жизненно важную часть Эго, а ее сохранение становится императивной потребностью. Интроекция этого первого любимого объекта, следовательно, сложным образом связана со всеми остальными порождаемыми инстинктом жизни процессами. Интернализированная хорошая грудь и плохая, пожирающая грудь, образуют ядро Супер-Эго в его хорошем и плохом аспектах. Они символизируют борьбу между инстинктами смерти и инстинктом жизни, происходящую внутри Эго.

Вторым важным частичным объектом, который подвергается интроекции, является пенис отца, которому приписываются как «хорошие», так и «плохие» качества и свойства. Эти два опасных объекта, плохая грудь и плохой пенис, становятся прототипом внутренних и внешних преследователей.

Болезненные по своей природе переживания, фрустрации, исходящие от внутренних и внешних источников, — все это воспринимается как преследование, и первоначально приписывается воздействию внешних и внутренних преследующих объектов. Во всех переживаниях подобного рода тревога преследования и агрессия подкрепляют друг друга.

Это происходит потому, что пока агрессивные импульсы младенца через механизм проекции способны оказывать столь фундаментальное влияние на построение младенцем образов преследующих фигур, сами эти фигуры будут увеличивать тревогу преследования. Это, в свою очередь, будет подкреплять агрессивные импульсы ребенка и его фантазии, направленные против тех внешних и внутренних объектов, которые кажутся опасными.

Параноидные расстройства, возникающие во взрослой жизни, на мой взгляд, в своем основании содержат тревогу преследования, переживавшуюся в течение первых месяцев жизни. Сутью страхов преследования, переживаемых параноидными пациентами, является ощущение, что существует враждебная сила, влияние которой способно принести им страдания, поставить под угрозу их благополучие или, вообще, угрожает тотальным уничтожением.

Эта враждебная, преследующая сила может быть представлена в виде одного или нескольких человек, а иногда даже в виде враждебных сил природы. Формы ужасающих пациента атак бесчисленны, и в каждом отдельном случае очень специфичны. Однако, по моему мнению, охватывающий параноидных личностей страх преследования всегда происходит из страха перед уничтожением Эго, в конечном счете являясь последствием работы инстинкта смерти.

V

В этом разделе мне бы хотелось более подробно рассмотреть вопрос взаимосвязи тревоги и вины. В этой связи прежде всего, я думаю, нам следует обратиться к точкам зрения, нашедшим свое отражение в работах Фрейда и Абрахама. Позиция Фрейда

отличалась двумя особенностями. С одной стороны, им не ставилось под сомнение существование тесных взаимосвязей вины и тревоги. С другой же стороны, Фрейд пришел к выводу, что понятие «вина» применимо только к проявлениям совести, которые являются результатом развития Супер-Эго. Супер-Эго, как мы знаем, по его мне нию, возникает как последствие Эдипова комплекса. Следовательно, к детям в возрасте до 4—5 лет такие понятия как «совесть» и «вина» не могут еще быть применены. Соответственно, в течение первых нескольких лет жизни тревога является чем-то обособленным от вины.

Согласно представлениям Абрахама вина возникает в ходе преодоления каннибалистических, а следовательно, агрессивных импульсов в течение ранней анально-садистической фазы (то есть, значительно раньше указанного Фрейдом срока). Однако Абрахам не уделил должного внимания дифференциации вины и тревоги. Ференци, который тоже не особо заботился о дифференциации понятий «вина» и «тревога», предположил, что нечто, определяющее природу вины, возникает в течение анального периода. Он пришел к заключению, что это может быть некая разновидность физиологического предзнаменования Супер-Эго, названная им «мораль сфинктера».

Эрнест Джонс затрагивает вопрос взаимодействия, происходящего между ненавистью, страхом и виной в своей работе, которая была впервые опубликована в 1929 году. Он выделил две различные фазы в развитии вины и предложил использовать для обозначения первой из выделенных им фаз понятие «до-нечестивой» стадии вины. Он связал это с садистическими прегенитальными стадиями развития Супер-Эго и выразил глубокую убежденность в том, что вина «всегда неизбежно связана с импульсами ненависти». Вторая стадия является «... стадией собственно самой вины, функция которой заключается в защите от внешних опасностей».

В работе «К вопросу о психогенезе маниакально-депрессивных состояний» я провожу разграничение между двумя основными формами тревоги — тревогой преследования и депрессивной тревогой, подчеркивая однако что различия между этими формами тревоги не всегда могут быть ясно очерчены.

Принимая во внимание это ограничение, я считаю, что дифференциация между этими двумя формами тревоги ценна как с практической, так и с теоретической точек зрения. В вышеупомянутой работе я пришла к заключению, что тревога преследования преимущественно связана с уничтожением Эго. Депрессивная же тревога преимущественно связана с переживаниями по поводу вреда, наносимого внутренним и внешним любимым объектам враждебностью субъекта. Депрессивная тревога имеет

разнообразные содержания, такие, как, например: «хороший объект поврежден», «хороший объект страдает», «состояние хорошего объекта ухудшается», «он превращается в плохой объект», «он уничтожается», «он потерян», «он никогда больше не вернется». Я также пришла к выводу, что депрессивная тревога теснейшим образом связана с виной и со стремлением к репарации (возмещению).

Впервые представляя концепцию депрессивной позиции в вышеупомянутой работе, я выдвинула предположение, что депрессивная тревога и вина возникают вместе с интроекцией объекта как целого. Моя дальнейшая работа в направлении исследования параноидно-шизоидной позиции, предшествующей позиции депрессивной, привела меня к следующим заключениям. Несмотря на то, что на первой стадии преобладают деструктивные импульсы и тревога преследования, депрессивная тревога и вина уже на этом этапе играют определенную роль в наиболее раннем объектном отношении младенца. Я имею в виду его отношение к материнской груди.

На этапе параноидно-шизоидной позиции, то есть в течение первых 2—4 месяцев жизни, достигают максимальной интенсивности процессы расщепления. Эти процессы включают в себя расщепление как первого объекта (груди), так и чувств по отношению к нему. Ненависть и тревога преследования связываются с фрустрирующей (плохой) грудью. Любовь и доверие связываются с удовлетворяющей (хорошей) грудью. Однако даже на этих стадиях подобные процессы расщепления не бывают полностью действительны. Происходит это потому, что с самого начала жизни в Эго заложена тенденция к самоинтеграции и стремление синтезировать различные аспекты объекта. (В этой тенденции можно усмотреть еще одно выражение инстинкта жизни). Следовательно, периодически возникают преходящие состояния интегрированности даже у самых маленьких детей. Подобные состояния по мере развития становятся все более частыми и продолжительными, и в это время раскол между хорошей и плохой грудью значительно менее выражен.

В подобных состояниях интеграции обнаруживается определенная мера синтеза любви и ненависти в отношении к частичному объекту. На мой взгляд именно это служит истоком депрессивной тревоги, вины и желания восстановить поврежденный любимый объект — прежде всего, хорошую грудь. Таким образом обнаруживается связь между началом депрессивной тревоги и отношением к частичным объектам. Именно такой взгляд на вещи и некоторая модификация моих прежних теоретических предположений являются результатом более глубокой работы над наиболее ранними стадиями развития Эго и более полного осознания ступенчатой природы младенческого эмоционального развития. Мое глубокое убеждение в том, что базисом депрессивной тревоги является синтез деструктивных влечений и чувства любви по отношению к одному и тому же объекту не претерпело изменений, а вышеупомянутые перемены в теоретических

воззрениях на нем никак не отразились.

Давайте теперь посмотрим, насколько сильное влияние оказывает эта модификация на концепцию депрессивной позиции. Сегодня я описала бы эту позицию следующим образом: на протяжении периода от 3 до 6 месяцев наблюдается существенный прогресс в интеграции Эго. Происходят очень важные перемены в природе объектных отношений младенца и в его процессах интроекции. Младенец все интенсивнее воспринимает и интроецирует мать в качестве целостной фигуры. Это подразумевает более полную идентификацию и более стабильное отношение к ней. Несмотря на то, что эти процессы все еще фокусированы преимущественно на матери, отношение младенца к своему отцу (и другим людям, образующим его окружение) претерпевает подобные же перемены. Отец тоже устанавливается (*established*) в психике младенца в качестве целостной фигуры. В то же время процессы расщепления ослабевают и связываются преимущественно с целыми объектами, в то время как на более ранних этапах они главным образом имели отношение к объектам частичным.

Контрастирующие аспекты объектов, а также противоречивые чувства, импульсы и фантазии, связанные с ними, значительно сближаются в психике младенца. Тревога преследования продолжает существовать, играя свою роль и на депрессивном этапе. Однако количественный ее показатель существенно уменьшается, а депрессивная тревога начинает доминировать над тревогой преследования. С тех пор, как существует персона, к которой ребенок испытывает любовь (переведенная во внутренний план и внешняя), поврежденная, как ему кажется, агрессивными импульсами, депрессивные чувства становятся значительно более сильными, чем те мимолетные переживания депрессивной тревоги и вины, которые появлялись в течение шизоидно-параноидной стадии. Более интегрированное Эго теперь все интенсивнее сталкивается с причиняющей боль психической реальностью. Эго сталкивается с недовольством и упреками, исходящими от интернализованных поврежденных матери и отца, являющихся теперь целостными объектами, персонами. Под гнетом этих страданий Эго вынуждено каким-то образом справляться с болезненной психической реальностью, что и приводит к возникновению всеподавляющего стремления оберегать, восстанавливать и воскрешать любимые объекты. Иначе говоря, появляется стремление к осуществлению возмещения (репарации). Весьма вероятно, что одновременно с появлением стремления к репарации происходит и развитие другого метода, позволяющего Эго справляться с депрессивной тревогой — маниакальной защиты.

Описанные мною шаги в развитии предполагают не только важные количественные и качественные изменения в чувстве любви, депрессивной тревоге и чувстве вины, но и совершенно новую комбинацию факторов, конституирующих депрессивную позицию.

Из предшествовавшего материала достаточно очевидно, что модификация моих воззрений на более ранние этапы развития депрессивной тревоги и вины не внесли каких-либо принципиальных изменений в мою концепцию депрессивной позиции.

Сейчас мне бы хотелось более подробно остановиться на процессах, благодаря которым появляются депрессивная тревога, вина и стремление к осуществлению репарации. Базисом депрессивной тревоги, как я уже сказала, является процесс, посредством которого Эго синтезирует деструктивные импульсы и чувство любви по отношению к одному и тому же объекту. Переживание собственной враждебности по отношению к любимому объекту, ощущение вреда, причиняемого любимому объекту собственными агрессивными импульсами я считаю сущностью вины. (Инфантильное чувство вины может распространяться на любой вред, причиненный любимому объекту, даже на вред, источником которого был преследующий объект.) Стремление уничтожить сделанное или возместить нанесенный ущерб возникает из-за того, что младенец считает себя причиной этого несчастья. Следовательно, эти стремления возникают в результате вины. Репаративная тенденция таким образом может рассматриваться нами как последствие чувства вины.

Теперь возникает вопрос: является ли вина элементом депрессивной тревоги? Являются ли эти феномены двумя различными аспектами одного процесса или один из них — следствие проявления другого? До тех пор, пока я не смогу дать определенного ответа на этот вопрос, я буду придерживаться предположения, что депрессивная тревога, вина и репаративные стремления часто переживаются одновременно.

Кажется довольно правдоподобным, что депрессивная тревога, вина и стремления к осуществлению репарации переживаются только тогда, когда чувства любви по отношению к объекту преобладают над деструктивными импульсами. Иначе говоря, повторяющийся время от времени опыт преодоления ненависти и враждебности любовью, — а в конечном итоге преодоления инстинкта смерти инстинктом жизни, — является принципиальным условием, необходимым для развития способности Эго интегрировать себя и синтезировать контрастирующие аспекты объекта. В такие моменты или во время таких состояний, отношение к плохому аспекту объекта, включая и тревогу преследования, отходит на задний план.

Тем не менее в течение первых трех-четырех месяцев жизни, когда (согласно моим нынешним убеждениям) возникают депрессивная тревога и вина, процессы расщепления

и тревога преследования достигают своего предела. Следовательно, тревога преследования очень быстро становится препятствием для процесса интеграции, а переживания депрессивной тревоги, вины и репарационных стремлений на этом этапе могут носить лишь переходный характер. В результате повреждений любимый объект может очень быстро быть заменен преследователем, а стремление восстанавливать или воскрешать любимые объекты может обернуться потребностью умиловать и умиротворять преследователя. И даже на следующем этапе, депрессивной позиции, когда более интегрированное Эго все интенсивнее интроецирует и устанавливает внутри целостные объекты, тревога преследования все еще присутствует. В течение этого этапа, как я уже говорила, младенец переживает не только горе, депрессию и вину, но еще и тревогу преследования, связанную с плохим аспектом Супер-Эго. Защиты против тревоги преследования существуют бок о бок с защитами против депрессивной тревоги.

Я снова подчеркиваю, что дифференциация депрессивной тревоги и тревоги, связанной со страхом преследования базируется на концептуальных определениях. В психоаналитической практике одна из особенностей обнаруживается огромное множество подтверждений того, что проведение различий между депрессивной тревогой и тревогой преследования значительно облегчает понимание и объяснение эмоциональных ситуаций. Примером может послужить типичная картина, с которой мы часто сталкиваемся в ходе анализа депрессивного пациента: во время отдельных сеансов пациент демонстрирует нам искреннее страдание, причиняемое ему сильным чувством вины и отчаянием, которые вызваны его неспособностью возместить ущерб, который, как ему кажется, он причинил. Затем вдруг происходят существенные перемены. Пациент неожиданно продуцирует материал, отчетливо объединенный идеей преследования. Аналитик и анализ обвиняются в том, что не приносят ничего, кроме вреда и обид, заставляющих вновь переживать прошлые фрустрации. Процессы, лежащие в основании этих перемен, можно обобщить следующим образом: тревога преследования стала доминировать; чувство вины отступило на задний план; вместе с ослаблением чувства вины, кажется, исчезла и любовь к объекту. В этой изменившейся эмоциональной ситуации объект превращается в плохой, такой, который не может быть любим, и, следовательно, направленные на него деструктивные импульсы находят свое объяснение. Это означает, что тревога преследования и защиты были подкреплены для того, чтобы избавиться от непреодолимого бремени вины и отчаяния. Во множестве случаев, конечно, пациенты могут демонстрировать долю тревоги преследования в сочетании с чувством вины, да и само установление доминирования не всегда происходит так драматично, как я это описала. Но в каждом из подобных случаев дифференциация между тревогой преследования и депрессивной тревогой помогает нам понять суть тех процессов, которые мы намереваемся анализировать.